

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
30 July 2020
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 698/2015* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	З. К. и А. К. (представлены адвокатом Стефани Мотц)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Швейцария
<i>Дата сообщения:</i>	20 августа 2015 года (первоначальное представление)
<i>Дата принятия решения:</i>	11 мая 2018 года
<i>Тема сообщения:</i>	депортация заявителей в Российскую Федерацию
<i>Процедурный вопрос:</i>	необоснованность утверждений
<i>Вопросы существа:</i>	недопустимость принудительного возвращения; угроза применения пыток либо жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в случае возвращения в Российскую Федерацию
<i>Статьи Конвенции:</i>	3

1.1 Заявителями являются З. К. и А. К., мать и сын, российские граждане чеченского происхождения, 1971 и 1997 годов рождения соответственно. Они подлежат депортации в Российскую Федерацию после того, как их ходатайство о предоставлении убежища в Швейцарии было отклонено. Заявители утверждают, что в случае их высылки Швейцарией их права по статье 3 Конвенции будут нарушены. Швейцария сделала заявление по статье 22 Конвенции 2 декабря 1986 года. Заявителей представляет адвокат Стефани Мотц.

* Принято Комитетом на его шестьдесят третьей сессии (23 апреля — 18 мая 2018 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Фелис Гаер, Абдельвахаб Хани, Клод Эллер Руассан, Ана Раку, Диего Родригес-Пинсон, Себастьян Тузе и Хунхун Чжан. В соответствии с правилом 109, рассматриваемым в совокупности с правилом 15 правил процедуры Комитета, и пунктом 10 руководящих принципов в отношении независимости и беспристрастности членов договорных органов по правам человека (Аддис-Абебских принципов) Бахтияр Тузмухамедов не участвовал в рассмотрении этого сообщения.

1.2 Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, 2 сентября 2015 года просил государство-участник не высылать заявителей в Российскую Федерацию, пока их жалоба находится на рассмотрении Комитета.

Факты в изложении заявителей

2.1 З. К. (первая заявительница) и ее сын¹, А. К. (второй заявитель), являются российскими гражданами, чеченцами по происхождению и мусульманами. Первая заявительница развелась со своим первым мужем в 2000 году² и вышла замуж за своего второго мужа, А. Д., в 2007 году. В 2008 году А. Д. был арестован и обвинен в принадлежности к чеченскому повстанческому движению. На момент первоначального представления сообщения у заявительницы не было никаких новостей от мужа с момента его ареста. Она утверждает, что брата ее мужа содержали под стражей в течение месяца и допрашивали о местонахождении ее мужа³. Примерно через месяц после ареста мужа военнотружущие начали регулярно обыскивать дом заявителей в поисках оружия и чеченских боевиков⁴.

2.2 В июне 2012 года заместитель командира батальона⁵ по имени Юсуп якобы узнал первую заявительницу в кофейне в Грозном, где она работала официанткой. Он расспросил ее о муже и хотел разузнать о боевиках-друзьях мужа и их деятельности, а также о клиентах кофейни. Он хотел знать, кто связан с повстанческой группировкой и бандами наркоторговцев. Заявительница сообщила Юсупу, что у нее нет такой информации. Она утверждает, что Юсуп дождался ее, пока около 22:00 не закрылась кофейня, и затолкал ее в свою машину, угрожая ей пистолетом. Он снова потребовал у нее информацию, а затем привез в один из переулков, где избил ее и изнасиловал. Затем он выкинул ее из машины рядом с ее домом. Заявительница утверждает, что Юсуп проделал с ней это примерно 10 раз. Во второй раз, когда он напал на нее, это произошло у нее дома. Он постучал в дверь около 11 вечера и попросил ее пойти с ним. Она сообщила ему, что не может оставить больную мать и сына, но он заставил ее пойти с ним. Юсуп 28 декабря 2012 года привел заявительницу в квартиру, где находилось трое мужчин и одна женщина. Юсупу пришлось уйти, поскольку ему позвонили, и он попросил остальных, чтобы заявительница оставалась там до его возвращения. Заявительницу удерживали в квартире около трех часов, в течение которых ее насиловали трое мужчин. Когда Юсуп вернулся, она рассказала ему о том, что случилось, но ему было все равно, и он отправил ее домой. Заявительница утверждает, что в этот момент она поняла, что насилие в отношении нее не прекратится. Когда через некоторое время после этого умерла ее мать, заявительница решила покинуть страну вместе со своим сыном. Заявительница также утверждает, что ее сын знал о насилии, которому она подвергалась. Он хотел вступить в ряды повстанцев в горах; поскольку она не хотела этого допустить, это стало для нее еще одной причиной, чтобы уехать из страны.

2.3 Заявители 7 января 2013 года въехали в Швейцарию и подали ходатайство о предоставлении убежища. Их ходатайство о предоставлении убежища 22 июля 2013 года было отклонено Государственным секретариатом по делам миграции⁶, поскольку он счел, что утверждения первой заявительницы противоречивы и расходятся по основным моментам, в том числе в отношении даты ареста ее мужа (в первом собеседовании она заявила, что это было в середине сентября 2008 года, а в более позднем собеседовании заявила, что это было в начале августа 2008 года); места, где ее впервые изнасиловал Юсуп (в ходе одного собеседования она сказала, что это было в квартире, а в ходе другого, что это произошло в переулке); и даты

¹ Второй заявитель на момент первоначального представления материалов Комитету достиг совершеннолетия. Он является сыном первой заявительницы от ее первого брака.

² В жалобе не содержится никаких подробностей в отношении первого брака заявительницы.

³ В материалах жалобы не содержится дополнительной информации в отношении этого утверждения.

⁴ В материалах жалобы не содержится дополнительной информации в отношении этого утверждения.

⁵ В материалах жалобы не указано, к каким воинским частям относится батальон.

⁶ Заявительница предоставила неофициальный перевод решения, принятого Секретариатом.

последнего нападения, которому она подверглась (на первом собеседовании она сказала, что это произошло в начале декабря 2012 года, а на более позднем собеседовании она сказала, что это было 28 декабря 2012 года). Секретариат также счел, что ее утверждения не заслуживают доверия, поскольку она не упомянула о том, что физически сопротивлялась любому из этих изнасилований, и не приняла никаких правовых мер, чтобы обвинить Юсупа и его сообщников в сексуальном насилии и нападениях, которым она подвергалась. Она также не просила помощи у кого бы то ни было из своих знакомых. Кроме того, она не пряталась, чтобы избежать этих нападений, и не обратилась к врачу после первого изнасилования. Секретариат также счел, что и второй заявитель не заслуживает доверия, поскольку он путался в собственных показаниях и делал заявления общего характера, в том числе в отношении места, где работала его мать (кофейня), времени, когда его мать была замужем за ее вторым мужем, и случаях, когда он сталкивался с Юсупом. Сначала он сказал, что видел Юсупа один раз в 2012 году, а во второй раз вскоре после похорон его бабушки. Когда же его спросили об этом позже, он не мог вспомнить, когда впервые встретился с Юсупом.

2.4 Заявители обжаловали решение Секретариата. Федеральный административный суд 9 сентября 2013 года отказал в удовлетворении апелляции, ввиду отсутствия перспективы на успешный результат⁷. Суд счел, что заявления заявителей не заслуживают доверия, и подтвердил доводы Государственного секретариата по делам миграции. Он также указал, что весьма странно выглядит, что Юсуп вдруг заинтересовался заявительницей четыре года спустя после ареста ее мужа и что заявительница вряд ли будет подвергаться какому-либо риску в Чечне, поскольку, несмотря на то, что она является матерью-одиночкой, у нее имеются родные и знакомые, которые могут помочь ей по возвращении, в том числе ее брат и дядя. Заявители 28 ноября 2013 года подали ходатайство о повторном рассмотрении их ходатайства о предоставлении убежища, которое было получено в качестве нового ходатайства о предоставлении убежища. В этом ходатайстве заявители указали, что хозяин их жилья в Грозном обнаружил две повестки из следственного отдела регионального отделения Министерства внутренних дел Российской Федерации в адрес первой заявительницы с требованием к ней явиться к судебному чиновнику⁸. По утверждению заявителей соседи получили эти повестки от имени заявительницы⁹. Хозяин жилья также сообщил, что когда он в другой раз зашел в квартиру заявительницы, то обнаружил там какого-то военного, который расспрашивал его о ее местонахождении. Государственный секретариат по делам миграции 18 ноября 2014 года отклонил это ходатайство. Он счел противоречащим логике, что соседи заявительницы получили от ее имени повестки о вызове к судебному чиновнику, спустя несколько месяцев после того, как она выехала из этой квартиры. Заявители обжаловали это решение в Федеральном административном суде, который в промежуточном решении от 23 января 2015 года заявил, что данная апелляция лишена какой-либо перспективы на успешный результат¹⁰. Заявители обратились с просьбой о пересмотре этого промежуточного решения, поскольку Международный комитет Красного Креста выяснил, что муж первой заявительницы находится в тюрьме, расположенной в одном из северных районов Российской Федерации. Он послал ей сообщение через Международный комитет Красного Креста. Суд вынес еще одно промежуточное решение 5 февраля 2015 года, в котором заявил, что вновь открывшиеся обстоятельства не доказывают, что заявители подвергнутся преследованиям в случае их возвращения в Российскую Федерацию. Суд вновь заявил, что получение соседями повесток о вызове к судебному чиновнику нелогично, и счел,

⁷ Заявительница предоставила неофициальный перевод этого решения Суда. Суд просил заявителей авансом выплатить 800 швейцарских франков на покрытие процессуальных издержек, поскольку апелляция не имеет перспективы на успех. Поскольку заявители не смогли выплатить такую сумму, Суд 4 октября 2013 года прекратил производство по этому делу. Заявительница не предоставила перевода этого решения Суда.

⁸ В материалах жалобы не содержится никаких дополнительных подробностей об этих повестках.

⁹ Хозяин жилья передал повестки брату заявительницы, который выслал их ей в Швейцарию.

¹⁰ Заявительница не предоставила перевода этого решения.

что письмо, направленное мужем заявительницы, носит слишком общий характер и не дает никаких оснований говорить о возможности преследования заявителей в случае их возвращения в Российскую Федерацию. Суд 11 марта 2015 года вынес окончательное решение, подтвердившее доводы, изложенные в промежуточном решении от 5 февраля 2015 года.

Жалоба

3.1 Заявители утверждают, что в случае их возвращения в Российскую Федерацию они могут столкнуться с реальной угрозой подвергнуться пыткам. Швейцария, таким образом, нарушила бы статью 3 Конвенции, в частности обязательство в отношении недопустимости принудительного возвращения. Заявители указывают, что их утверждения являются подробными, достоверными и подлинными.

3.2. Заявители утверждают, что Федеральный административный суд придал слишком большое значение некоторым незначительным несоответствиям в утверждениях заявителей и не принял во внимание общей ситуации в Чечне, которая на протяжении десятилетий находится в состоянии нестабильности и где, как известно, власти и государственные должностные лица подвергают произволу, в том числе пыткам, любое лицо, которое рассматривается как приверженное делу чеченских повстанцев. Заявители утверждают, что небольшие расхождения в ходе собеседований первой заявительницы вполне объяснимы, поскольку от жертв сексуального насилия невозможно требовать полной достоверности в отношении столь травмирующих фактов. Например, первая заявительница дала различные показания в отношении места, где она впервые подверглась домогательствам, а также точной даты и обстоятельств последнего изнасилования. Это, однако, следует рассматривать не как повод для недоверия, а скорее как результат растерянности человека, подвергшегося различным травмирующим событиям, которые слились в одну травму. Заявители напоминают о правовой практике Комитета, в соответствии с которой предполагаемые множественные изнасилования явно представляют собой причинение сильной боли и страданий, и что от жертв пыток редко можно ожидать полной точности¹¹.

3.3 Кроме того, заявители утверждают, что аргумент Федерального административного суда о том, что первая заявительница не заслуживает доверия, поскольку физически не сопротивлялась изнасилованиям и не объявила властям о сексуальном насилии, является необоснованным и циничным. Очевидно, что первая заявительница не могла физически противостоять Юсупу, поскольку он угрожал ей пистолетом. Кроме того, он был заместителем командира батальона, что делало бессмысленным изобличать его перед властями. Что же касается аргумента Суда о том, что она не скрывалась, то первая заявительница указала, что ей весьма трудно найти дешевую квартиру, которую она могла бы себе позволить, и что у Юсупа в любом случае хорошие связи и он мог бы найти ее где угодно в Российской Федерации.

3.4 В отношении утверждений о том, что повестки о вызове к судебному чиновнику не являются свидетельством возможного преследования заявителей в случае их возвращения в Российскую Федерацию, то предполагается, что даже брат первой заявительницы не знал, были ли получены эти повестки соседями лично или их оставила у дверей милиция, а соседи обнаружили их позже. Заявители не могут объяснить, почему на повестках не указан контактный номер или почему отсутствует вторая страница с подтверждением получения. Они утверждают, что чеченские должностные лица, в частности сотрудники милиции, часто работают непрофессионально и что, скорее всего, страница с распиской в получении регистрируется лишь в тех случаях, когда повестки вручаются лично. Заявители утверждают, что ни одно из этих обстоятельств не следует воспринимать как свидетельство того, что эти повестки были сфальсифицированы¹².

¹¹ Заявители ссылаются на соображения, принятые по делам *В. Л. против Швейцарии* (CAT/C/37/D/262/2005), п. 8.10, и *Alan v. Switzerland* (CAT/C/16/21/1995).

¹² В своем решении от 11 марта 2015 года Федеральный административный суд указал, что сам факт отсутствия разумного объяснения тому, каким образом брат заявительницы получил

3.5 Заявители далее утверждают, что сообщение, отправленное мужем первой заявительнице, является убедительным доказательством их утверждений, поскольку показывает, что его содержат в тюрьме в месте, известном своими тяжелыми условиями и часто используемом для тюремного заключения чеченских повстанцев (Ямало-Ненецкий округ, исправительная колония 18). Поэтому заявители находятся под угрозой преследования. Они приводят цитаты из нескольких докладов неправительственных организаций и миграционных служб ряда стран, в которых указано, что в Чечне царит атмосфера репрессий, что российские власти печально известны применением пыток и что проводится недостаточно независимых и эффективных расследований по заявлениям о пытках и жестоком обращении со стороны должностных лиц¹³. Заявители также приводят выдержки из сообщений и документов правовой практики, которые указывают на то, что правоохранные органы и службы безопасности наказывают родственников и тех, кто предположительно поддерживает сторонников чеченского повстанческого движения¹⁴.

Замечания государства-участника по существу сообщения

4.1 Государство-участник 25 февраля 2016 года представило свои замечания по существу сообщения. В них кратко изложены некоторые факты и даны разъяснения. Государство-участник отмечает, что в сообщении к Комитету первая заявительница утверждала, что с ней жестоко обращались из-за деятельности ее второго мужа, который был арестован в 2008 году. Второй заявитель не делает никаких утверждений об угрозе жестокого обращения или грозящей ему лично опасности преследования в случае высылки. Однако перед властями страны он поднял вопрос об опасности того, что его могут считать сыном его находящегося в заключении отчима. Кроме того, он выразил опасение, что его заставят служить в российской армии, жалобу, которую он, похоже, не выдвигает в Комитете.

4.2 В представленных ими материалах заявители в основном ссылаются на предполагаемые основания и доказательства в поддержку своих ходатайств о предоставлении убежища. За исключением медицинской справки от 27 июля 2015 года, представленные Комитету элементы уже были детально изучены национальными органами, занимающимися вопросами предоставления убежища. Таким образом, заявители не привносят новых элементов в опровержение решений, вынесенных Государственным секретариатом по делам миграции и Федеральным административным судом.

4.3 Заявители обратились с ходатайством о предоставлении убежища в Швейцарии 7 января 2013 года. Они дважды прошли личные и отдельные собеседования 14 января 2013 года и 26 марта 2013 года. Первая заявительница была заслушана 7 июня 2013 года Государственным секретариатом по делам миграции, прежде чем он вынес два решения об отклонении ходатайств о предоставлении убежища. Секретариат, в частности, отметил, что утверждения заявителей содержат противоречия по ключевым моментам, частично противоречат логике и не заслуживают доверия.

4.4 В решении от 9 сентября 2013 года Федеральный административный суд отметил, что утверждения заявителей могут оказаться необоснованными, и в результате потребовал от них выплатить аванс в размере 800 швейцарских франков. Суд, в частности, счел маловероятным, чтобы через четыре года после ареста ее второго мужа первую заявительницу опознал и вступил с ней в контакт военнослужащий по имени Юсуп, который расспрашивал ее о деятельности ее мужа,

повестки о вызове к судебному чиновнику, является признаком подлога, и поэтому нет необходимости оценивать, имеются ли в документах признаки подделки.

¹³ Заявители цитируют заключительные замечания Комитета по пятому периодическому докладу Российской Федерации (CAT/C/RUS/CO/5).

¹⁴ Организация «Хьюман райтс уотч», «World report 2013: Russia»; Швейцарский совет по делам беженцев, «Tschetschenien: Verfolgung von Personen mit Kontakten zu den Mudschahed» (Чечня: преследование лиц, имеющих связи с моджахедами) (22 апреля 2013 года); и Европейский суд по правам человека, *I v. Sweden*, Application No. 61204/09, Judgement, 5 September 2013.

все еще находящегося под стражей, а затем несколько раз похищал и насиловал ее. Суд также установил, что первая заявительница представила различные версии инцидентов на различных слушаниях и что она, похоже, не обращалась за помощью к родственникам или коллегам по работе и не подавала заявления о возбуждении уголовного дела. Поскольку авансовый платеж на покрытие судебных издержек не был осуществлен в установленные сроки, суд не стал заниматься рассмотрением апелляции заявителей.

4.5 Заявители 28 ноября 2013 года подали ходатайство о повторном рассмотрении их ходатайства о предоставлении убежища, которое было получено в качестве нового ходатайства о предоставлении убежища. Государственный секретариат по делам миграции 24 сентября 2014 года в третий и четвертый раз заслушал каждого из заявителей. Решением, принятым 18 ноября 2014 года, Секретариат отклонил их второе ходатайство о предоставлении убежища. Он установил, в частности, что история первой заявительницы не заслуживает доверия и противоречит логике. Кроме того, он отметил, что в полицейских повестках, представленных в подтверждение утверждения первой заявительницы о преследовании, были выявлены множественные признаки подделки. Что касается второго заявителя, то Секретариат пришел к выводу о том, что устно выражаемое несогласие с режимом Рамзана Кадырова в Чечне само по себе не создает угрозы преследования и/или угрозы обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. Поскольку второй заявитель не получил базовой военной подготовки, его опасения в отношении необходимости участия в боевых действиях на Украине также не вполне убедительны.

4.6 Федеральный административный суд, отметив ряд аспектов, ставящих под сомнение правдоподобность утверждений заявителей, 11 марта 2015 года отклонил апелляции на решения Государственного секретариата по делам миграции. В представленных им материалах государство-участник более подробно объясняет причины, лежащие в основе решений органов, занимающихся вопросами предоставления убежища. Оно рассматривает это дело в контексте статьи 3 Конвенции, сложившейся практики Комитета и конкретных руководящих принципов, касающихся применения статьи 3, изложенных в пунктах 6–8 замечания общего порядка № 1 (1997) об осуществлении статьи 3 в контексте статьи 22¹⁵, где предусматривается, что лицо должно доказать, что ему либо ей лично угрожает непосредственная и серьезная опасность подвергнуться пыткам в случае депортации в страну его либо ее происхождения. Наличие такой опасности должно оцениваться на основе элементов, выходящих за рамки одних лишь умозрительных предположений или подозрений.

4.7 Для рассмотрения того, имеются ли существенные основания полагать, что заявителю может угрожать применение пыток в случае депортации, Комитет, руководствуясь пунктом 2 статьи 3 Конвенции, должен принять во внимание все относящиеся к делу соображения, в частности наличие постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вместе с тем в ходе такого рассмотрения необходимо определить, будет ли применение пыток угрожать лично соответствующему лицу в стране, в которую оно возвращается¹⁶. Из этого следует, что наличие практики нарушений прав человека, как упомянуто в пункте 2 статьи 3 Конвенции, не является достаточным основанием для определения того, что конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в страну его либо ее происхождения. Поэтому необходимы дополнительные основания, чтобы угроза применения пыток носила предсказуемый, реальный и личный характер по смыслу пункта 1 статьи 3 Конвенции¹⁷. Комитет подтверждает свою практику, отмечая при этом, что положение в области прав человека в ряде регионов Российской Федерации по-прежнему вызывает обеспокоенность, в частности на Северном

¹⁵ Замечание общего порядка № 1 с 6 декабря 2017 года заменено Замечанием общего порядка № 4.

¹⁶ См., например, дело *K. N. v. Switzerland* (CAT/C/20/D/94/1997), пара. 10.2.

¹⁷ *Ibid.*, пара. 10.5; *Дж. У. А. против Швейцарии* (CAT/C/21/D/100/1997), пп. 6.3 и 6.5; и *Т. М. против Республики Корея* (CAT/C/53/D/519/2012), п. 9.7.

Кавказе¹⁸. В пункте 6 своего замечания общего порядка № 1 Комитет недвусмысленно заявляет о том, что угроза применения пыток должна оцениваться на основаниях, выходящих за рамки одних лишь умозрительных предположений или подозрений.

4.8 В представленных ими материалах заявители утверждают, что в результате их связи со вторым мужем первой заявительницы у них может быть сформирован политический профиль, подвергающий их конкретной, реальной и личной угрозе стать жертвами пыток в случае высылки. При этом они не приводят никаких доказательств в обоснование своих утверждений. Положение в их стране само по себе не может служить достаточным основанием для вывода о том, что этим заявителям будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае высылки. Заявителям не удалось доказать, что им будет угрожать предсказуемая, личная и реальная опасность подвергнуться пыткам после возвращения в Российскую Федерацию.

4.9 Что касается утверждений о применении пыток в прошлом, то государство-участник настаивает на том, что пытки или жестокое обращение, которым заявитель подвергался в прошлом, являются одним из элементов, которые следует учитывать при оценке угрозы для заявителя подвергнуться пыткам или жестокому обращению в случае возвращения в его либо ее страну. В данном деле, которое рассматривает Комитет, первая заявительница утверждает, что якобы в июне 2012 года, через четыре года после ареста ее второго мужа, некий «армейский чиновник» по имени Юсуп узнал ее там, где она работала, и задавал ей вопросы о друзьях ее второго мужа и их деятельности. Затем он якобы похитил ее, угрожал ей и несколько раз насильовал. Первая заявительница выступила с теми же самыми утверждениями в ходе внутреннего процесса, и они были тщательно изучены национальными властями. Государственный секретариат по делам миграции отметил, в частности, что первая заявительница после изнасилования, по ее собственному заявлению, не обращалась к врачу.

4.10 Представленная Комитету медицинская справка от 27 июля 2015 года является единственным документом, подтверждающим утверждения об изнасиловании. Однако его содержание не позволяет сделать выводы в отношении действий, от которых, как утверждает первая заявительница, она пострадала. Таким образом, учитывая отсутствие доказательств¹⁹, настоящее дело отличается от дела *В. Л. против Швейцарии*, на которое ссылались заявители. Кроме того, национальные власти сочли, что утверждения первой заявительницы о том, что она якобы пострадала от жестокого обращения, не заслуживают доверия.

4.11 Еще одним фактором, который необходимо принимать во внимание при оценке угрозы для заявителя подвергнуться пыткам по возвращении в страну его либо ее происхождения, является то, занимались ли он либо она политической деятельностью в государстве происхождения или за его пределами. В настоящем деле заявители не утверждают, что занимались какой-либо политической деятельностью в стране их происхождения или в Швейцарии.

4.12 Кроме того, государство-участник объясняет фактические несоответствия в утверждениях заявителей и ставит под сомнение их достоверность. Оно в полной мере ссылается на причины, указанные в решениях национальных органов по рассмотрению ходатайств об убежище, по которым утверждения заявителей не вызывают доверия и по которым их рассказ, таким образом, никак не позволяет сделать вывод о наличии существенных оснований полагать, что в случае возвращения заявителей в страну происхождения им будет угрожать применение пыток. В связи с этим государство-участник указывает на ряд моментов.

4.13 В ходе первой процедуры по предоставлению убежища первая заявительница утверждала, что вступила в религиозный брак со своим вторым мужем в 2007 году. Последнего, как сообщается, арестовали солдаты в масках в августе 2008 года как подозреваемого чеченского боевика. Юсуп, один из военнослужащих, участвовавших в этом аресте, как сообщается, узнал ее примерно четыре года спустя в ресторане, где

¹⁸ См. дело *С. К. и другие против Швеции* (CAT/C/54/D/550/2013), п. 7.6.

¹⁹ Там же, п. 7.8.

она работала официанткой. Он задавал ей вопросы о деятельности ее мужа, угрожал ей, приставал к ней, а затем неоднократно насиловал ее.

4.14 В связи с этим Федеральный административный суд отметил, в частности, эволюцию этой истории первой заявительницы. Сперва она сообщила, что в первый раз изнасилование произошло в квартире Юсупа, затем она заявила, что это было в какой-то квартире, и, наконец, что это случилось в уличном тупике. На первом слушании первая заявительница сказала, что 28 декабря 2012 года, предположительно в тот день, когда ее изнасиловали в последний раз, в квартире находились солдаты и женщина. Впоследствии она настаивала на том, что в квартире было только трое мужчин. Такие противоречия необходимо считать важными. Это особенно важно, поскольку первая заявительница не обращалась к врачу после предполагаемых изнасилований, не обращалась за помощью либо поддержкой к родственникам, друзьям или коллегам по работе и не сообщала властям об этих фактах.

4.15 Что касается сведений, которые просил сообщить ему Юсуп, то государство-участник утверждает, что первой заявительнице ни на одном из этапов процедуры не удалось убедить власти в правдоподобности причин, по которым Юсуп обратился к ней, вместо того, чтобы напрямую допросить ее второго мужа, поскольку ему было известно, что ее второй муж по-прежнему содержится в заключении. В связи с этим государство-участник также отмечает, что второй заявитель не смог сообщить названия ресторана, в котором его мать, согласно ее утверждениям, работала несколько лет. В свете этих противоречий и отсутствия доказательств Федеральный административный суд в своем решении от 9 сентября 2013 года счел неправдоподобными утверждения первой заявительницы о том, что Юсуп неоднократно угрожал ей, а затем насиловал.

4.16 Что касается утверждений первой заявительницы в ходе второй процедуры по предоставлению убежища, то они также были подробно рассмотрены национальными властями. Первая заявительница, в частности, представила две повестки, датированные 1 марта и 14 апреля 2013 года, которые хозяин жилья обнаружил в ее квартире в Грозном. Эти повестки отличаются от официальной формы по ряду признаков, например, отсутствием наименований, указывающих на то, в каком качестве вызывается то или иное лицо (к примеру, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или эксперта), а также отсутствием номера телефона, по которому получатель может связаться с органом, выписавшим повестку. Кроме того, вторая повестка была выписана в воскресенье. Столкнувшись с этими нарушениями, касающимися предполагаемых повесток о явке к судебному чиновнику, первая заявительница не смогла убедить национальные органы власти в их достоверности и не способна сделать этого в Комитете.

4.17 Первая заявительница не смогла объяснить, почему эти повестки, — которые по ее словам она впервые получила, — были направлены ей почти через пять лет после ареста ее предполагаемого второго мужа и через восемь–десять месяцев после того, как мужчина по имени Юсуп узнал ее в ресторане, где она работала. Кроме того, также неправдоподобно, чтобы бывшие соседи первой заявительницы подтвердили получение повестки о вызове к судебному чиновнику. Напротив, ввиду ее постоянного отсутствия у них были бы все основания указать на то, что она отсутствует более двух месяцев. Трудно представить себе, чтобы полиция могла просто оставить повестку у дверей квартиры, как предполагает первая заявительница. Также не заслуживают доверия утверждения о том, что хозяин бывшего жилья первой заявительницы послал эти повестки ее брату, который затем направил их ей.

4.18 В отношении сообщений от второго мужа первая заявительница до сих пор не представила никаких доказательств их брака. Она заявила, что разыскивала своего второго мужа и что через Международный комитет Красного Креста получила ответ от кого-то, кто выдавал себя за него. Вопреки тому, на чем настаивает первая заявительница, такой обмен сообщениями не может служить доказательством предполагаемого брака либо установить, что задержание соответствующего лица связано с деятельностью бывших комбатантов.

4.19 Государство-участник отмечает, что первая заявительница всегда использует свою девичью фамилию, а не фамилию так называемого второго мужа. Поэтому маловероятно, что в случае возвращения в Чечню между ней и ее предполагаемым вторым мужем будет установлена какая-либо связь. Это замечание также относится ко второму заявителю и было подтверждено Комитетом в деле *С. К. и другие против Швеции*, в котором Комитет заявил, что, согласно имеющейся информации о стране происхождения, значительная часть населения Чечни в какой-то момент поддерживала повстанцев; однако в настоящее время власти не интересуются людьми, которые поступали так лишь в отдельных случаях. Комитет отметил, что, кроме того, чеченские власти уделяют особое внимание лицам, которые подозреваются в поддержке видных повстанцев или в сотрудничестве с ними и которые оказывали им существенную поддержку в течение более длительного периода времени²⁰.

4.20 Государство-участник полностью поддерживает доводы, приведенные Государственным секретариатом по делам миграции и Федеральным административным судом в обоснование того, что утверждения заявителей не заслуживают доверия. Утверждения авторов о том, что в случае их возвращения в Российскую Федерацию им якобы будет грозить опасность применения пыток, не отражают реальных фактов и не являются достаточно обоснованными. В Комитете заявители в сущности повторяют свой рассказ, что не делает его более правдоподобным. Это же касается и медицинской справки, представленной первой заявительницей Комитету, которая была выдана в Швейцарии после завершения второй процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища. Этот документ не подходит для того, чтобы ставить под сомнение выводы национальных властей, и, хотя он свидетельствует о наличии у первой заявительницы психологических проблем, он не доказывает причину этих проблем.

4.21 По мнению государства-участника, ничто не указывает на наличие серьезных оснований опасаться того, что по возвращении в Российскую Федерацию заявителям будет конкретно и лично угрожать опасность подвергнуться пыткам. Их утверждения и представленные доказательства не позволяют считать, что их высылка приведет к возникновению для них реальной, конкретной и личной угрозы подвергнуться пыткам. Поэтому государство-участник утверждает, что их высылка не будет представлять собой нарушения его международных обязательств по статье 3 Конвенции.

Комментарии заявителей к замечаниям государства-участника

5.1 Заявители представили комментарии от 17 мая 2016 года в ответ на замечания государства-участника. Они утверждают, что в своих первоначально представленных Комитету материалах они оба опирались на доводы, касающиеся угрозы для них как для членов семьи находящегося в заключении чеченского повстанца. Второй заявитель, которому на момент представления сообщения исполнилось 19 лет, также представлял бы интерес для чеченских военных. Очень часто сыновья чеченских повстанцев-боевиков также вступают в их ряды, когда становятся достаточно взрослыми; именно этого опасалась первая заявительница. В результате оба заявителя стали бы мишенью как члены семьи чеченского повстанца-боевика и по возвращении в Российскую Федерацию столкнулись бы с реальной, личной и непосредственной угрозой применения пыток.

5.2 Личная, реальная и непосредственная угроза подвергнуться пыткам для заявителей вытекает из целого ряда аспектов данного дела. Заявители утверждают, что подпадают под категорию риска — категорию членов семей чеченских повстанцев-боевиков, — подвергающихся реальной, непосредственной и личной угрозе стать жертвами пыток после высылки в Российскую Федерацию. И это вдобавок к той категории риска, к которой относятся лица, уже обратившие на себя внимание властей и в прошлом подвергшиеся пыткам.

5.3 Заявители обращаются к вопросу о достоверности утверждений об изнасилованиях, от которых пострадала первая заявительница, когда находилась в

²⁰ *С. К. и другие против Швеции*, п. 7.7.

руках военного командира по имени Юсуп, связанному с противоречиями в отношении подробностей этих изнасилований, отсутствием медицинских доказательств, несообщением об этих изнасилованиях властям или врачу и длительным периодом между арестом мужа и этими изнасилованиями.

5.4 Что касается предполагаемых противоречий в отношении места первого изнасилования и числа лиц, находившихся в квартире в момент изнасилования, то первая заявительница отмечает важность признания того, что жертвы изнасилования сталкиваются с особыми трудностями в результате нанесенной травмы, клейма позора и стыда при изложении подробностей сексуальных надругательств, от которых они пострадали. В своих руководящих принципах, касающихся судебного преследования с учетом конкретной гендерной принадлежности, Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев признает, что в связи с такими расследованиями крайне важно создать атмосферу доверия, с тем чтобы жертва могла подробно рассказать о пережитом ею сексуальном надругательстве. Помимо этого, женщины, ставшие жертвами сексуального насилия, сталкиваются с особыми трудностями, когда собеседование или перевод беседы осуществляют мужчины. Кроме того, подробные расспросы, касающиеся сексуальных надругательств, следует сводить к минимуму, а по возможности вообще избегать их с учетом того, что это может повторно причинить травму жертвам, которые вынуждены вспоминать и рассказывать о подробностях изнасилования. Комитет признает, что от жертв пыток в редких случаях можно ожидать полной точности изложения и что противоречия и неточности в изложении фактов не имеют существенного значения и не вызывают сомнений в правдивости их утверждений в целом²¹. В одном из собеседований по существу дела лицо, представлявшее центр юридической консультации, было мужчиной, что затруднило рассказ первой заявительницы о подробностях различных случаев изнасилования. Она не помнит, какое именно это было собеседование, но помнит, что это было одно из первых двух собеседований по существу дела, проведенных в марте и июне 2013 года.

5.5 Первая заявительница также утверждает, что несоответствия, на которые опирается государство-участник, явно не являются теми, что положены в основу ее рассказа об изнасиловании, и не таковы, чтобы лишить правдоподобия все изложенное ею. Напротив, одно из несоответствий касается путаницы между последним и предпоследним случаями изнасилования. Один случай произошел в двухкомнатной квартире, а другой — в трехкомнатной квартире, причем в одном случае было только трое военнослужащих, а в другом присутствовала еще и женщина. Эта путаница касается дополнительного аспекта рассказа о неоднократных изнасилованиях и явно не может лишить правдоподобия рассказ первой заявительницы, который в остальном она изложила подлинным и заслуживающим доверия образом.

5.6 Аналогичным образом, якобы несоответствие между первым собеседованием в январе 2013 года и первым и вторым собеседованиями по существу дела в марте и июне 2013 года не может лишить правдоподобия изложенное первой заявительницей. Следует проявлять большую осторожность, полагаясь на первое собеседование, поскольку его цель состоит не в выяснении подробностей ходатайства о предоставлении убежища. Заявителям часто напоминают о том, чтобы их ответы были краткими, так как позже у них будет возможность подробно изложить свое ходатайство. Поэтому к тому, что рассказала первая заявительница в январе 2013 года, следует относиться с большой осторожностью. Все было точно изложено в ходе собеседования в июне 2013 года, когда первая заявительница указала, что первое изнасилование произошло в тупиковом переулке. Что касается ее ответа на собеседовании в марте 2013 года, то важно рассмотреть контекст этого вопроса. Прямо перед тем, как был задан вопрос о первом случае изнасилования, первую заявительницу спросили о последнем случае изнасилования. После этих вопросов она уже была в замешательстве и с трудом отвечала на дальнейшие вопросы, поскольку эти расспросы вызвали травматические воспоминания. В таком состоянии она не смогла правильно изложить подробности первого случая изнасилования. Это именно

²¹ Заявительница ссылается на дела *Alan v. Switzerland* и *B. Л. против Швейцарии*.

та подробность, которую травмированная жертва изнасилования после неоднократных вопросов об изнасиловании, которому она подверглась, уже не сможет должным образом вспомнить. Первая заявительница представила подлинный и заслуживающий доверия достаточно подробный рассказ без приукрашивания, что подтверждает его достоверность.

5.7 Тот факт, что первая заявительница не может представить медицинскую справку о своей травме, невозможно объяснить ни ее нежеланием подчиниться необходимости пройти психотерапевтическое лечение, ни нежеланием терапевта оказать ей терапевтическую помощь. Она нуждается в терапии и проявляет явные признаки воздействия на нее травмирующих событий. Однако без дальнейшей терапии невозможно поставить правильный диагноз. Единственной причиной, препятствующей ей в доступе к психологическому или психиатрическому лечению, является ее нынешний статус лица, которому было отказано в предоставлении убежища. Поэтому она не может представить полную медицинскую справку, подтверждающую ее травму в результате изнасилования. Именно из-за того, что кантональные власти отказали ей в доступе к такому лечению, она не представила такого медицинского заключения. В действительности уже после второго собеседования в марте 2013 года сотрудник центра юридической консультации порекомендовал Государственному секретариату по делам миграции получить заключение эксперта-психолога. Однако власти не предприняли никаких шагов в этом направлении. Поэтому отсутствие медицинских доказательств нельзя рассматривать как фактор, снижающий доверие к первой заявительнице. С учетом обстоятельств этого дела заявительница утверждает, что на самом деле это подтверждает и подкрепляет ее дело, поскольку она всегда хотела пройти психотерапевтическое лечение и по-прежнему крайне нуждается в таком лечении. Именно государство-участник должно обеспечить первой заявительнице возможность пройти экспертное психологическое или психиатрическое обследование и получить полное психиатрическое заключение²².

5.8 Таким образом, первая заявительница утверждает, что отсутствие заключения психиатра или эксперта-психолога не может считаться фактором, снижающим доверие к ней. Скорее, имеющаяся медицинская справка, а также тот факт, что с самого начала (март 2013 года) независимый наблюдатель, участвовавший в собеседовании по вопросу о предоставлении убежища (сотрудник центра юридической консультации), информировал власти о необходимости такого заключения и о желании первой заявительницы пройти курс терапии, подкрепляют доверие к ней.

5.9 Что же касается того факта, что первая заявительница не сообщила об изнасиловании ни властям, ни врачу, то она подробно объяснила, почему не имело бы никакого смысла сообщать ни в ту, ни в другую инстанцию. Поскольку Юсуп занимал должность заместителя командира батальона, она боялась выдвигать против него обвинения. В ходе собеседования с ней в июне 2013 года она объяснила, что, когда Юсуп впервые начал ее избивать, она сказала ему, что не позволит ему так с ней обращаться, и намекала, что будет жаловаться в полицию. Он, однако, ответил, что он командир батальона и поэтому сам является начальством. Когда она ответила, что он не ее командир, он пригрозил убить ее, если она расскажет кому-нибудь, что он с ней делает. Заявительница далее пояснила, что эти военнослужащие были «кадыровцами», т. е. находились ближе к правительству, чем любое другое должностное лицо. Она заявила, что они стоят выше закона и относятся к чеченцам так, словно те ничего собой не представляют, а особенно к женщинам. Она не видела смысла обращаться к врачу, потому что не знала, что ему сказать, из-за того, что изнасилованиям в Чечне сопутствуют позор и социальное отторжение. Она была в отчаянном положении, потому что ей нужно было снимать квартиру для нее и сына, а найти дешевую

²² Заявительница ссылается на дело *R. C. v. Sweden*, рассматривавшееся в Европейском суде по правам человека (Application No. 41827/07), в котором заявитель представил справку от врача в качестве доказательства того, что он мог подвергнуться пыткам, и в котором государство-участник утверждало, что этой справки недостаточно для доказательства пыток. Суд постановил, что на основании указанного в этой справке государственным органам надлежит поручить составление полного медицинского заключения.

квартиру было нелегко. Поскольку Юсуп был заместителем командира батальона, у него были обширные связи, и он легко мог найти ее где угодно в Российской Федерации. Она заявляет, что довод государства-участника в этом отношении является явно необоснованным и свидетельствует об отсутствии осведомленности о реальном положении жертв изнасилований в Чечне.

5.10 Что касается многих лет, прошедших между арестом мужа первой заявительницы и ее изнасилованием, то она объясняет, что в то время Юсуп не знал о том, что ее мужа содержали в тюрьме на севере Российской Федерации. Юсуп считал, что ее муж все еще на свободе, и расспрашивал о его местонахождении, поскольку военнослужащие, которые осуществили арест, передали мужа первой заявительницы другому ведомству. Они, таким образом, не знали о результатах разбирательств, которые затем происходили. Вполне вероятно, что жена ранее арестованного чеченского боевика все равно будет представлять интерес для чеченских военнослужащих даже после ареста мужа.

5.11 Доказательства первой заявительницы были подлинными, по существу последовательными и подробными. Она никогда не пыталась приукрасить свое изложение или преувеличивать свои показания и проявляла типичные признаки неспособности обсуждать травмирующие события изнасилования. Ее сын достоверно изложил свой опыт свидетеля травмы его матери. Он утверждает, что не знал, что Юсуп делал с его матерью, когда приходил и забирал ее, но она плакала из-за Юсупа, что указывало сыну на то, что Юсуп, должно быть, каким-то образом мучил его мать. Второй заявитель с трудом выражался на русском (а не на чеченском) языке, и стиль опроса оказался сложным для 16-летнего мальчика, страдающего от приступов временной потери сознания. Кроме того, первая заявительница не сочла целесообразным, чтобы ее сыну, которому на момент изнасилований было 14 лет, задавали вопросы по поводу этих изнасилований, поскольку она не хотела рассказывать об этом своему сыну. Второй заявитель не смог запомнить названия кафе, в котором работала его мать; однако он смог правильно указать, что кафе располагалось рядом с автобусным вокзалом. Правильное название кафе явно не является существенным аспектом жалобы заявителей. Уместно отметить, что второй заявитель явно пытался выражать свое мнение и следить за вопросами. Реакции и ответы первой заявительницы, которые порой были в некотором отношении непоследовательными, не снижают доверия к ней, а скорее представляют собой достоверное и типичное поведение жертвы изнасилования.

5.12 Поскольку государство-участник пытается поставить под сомнение то, что первая заявительница действительно состоит в религиозном браке со своим мужем, указывается, что связь между ними подтверждает сообщение, направленное мужем первой заявительнице через Международный комитет Красного Креста. Что касается осведомленности чеченских властей об этой связи, то они несомненно знали об этом, и Юсуп расспрашивал первую заявительницу о ее муже. И она, и ее сын скорее всего входят в категорию риска, состоящую из членов семей чеченских боевиков²³. Те, кто возвращается, как правило, подвергаются повышенной угрозе допросов и пыток со стороны служб безопасности. Еще большей угрозе подвергаются бывшие жертвы силовых или военных структур, а также члены семей чеченских боевиков. Утверждается, что в той мере, в какой государство-участник пытается поставить под сомнение подлинность результатов поиска, проведенного Красным Крестом, и отклика, полученного первой заявительницей от ее мужа, такая постановка вопроса несостоятельна. Муж содержится в отдаленной тюрьме на севере Российской Федерации, куда лично не могут получить доступа даже сотрудники Красного Креста. Невозможно понять, на каком основании государство-участник предполагает, что сообщение, переданное мужем первой заявительнице, не является подлинным или не представляет собой убедительного доказательства их отношений. Тот факт, что муж содержится в этой изолированной тюрьме, а не в тюрьме в Чечне, является ясным свидетельством того, что он был осужден за такое серьезное преступление, как

²³ Заявительница ссылается на судебную практику Европейского суда по правам человека, например, в деле *I v. Sweden*.

терроризм. Наконец, в отношении повесток о вызове к судебному чиновнику и предполагаемых несоответствий заявители ссылаются на разъяснения, содержащиеся в изначально представленных ими материалах.

Дополнительные комментарии заявителей

6.1 Заявители 14 марта 2017 года представили дополнительные комментарии и доказательства. Они поясняют, что после многочисленных попыток получить медицинскую помощь первая заявительница смогла наконец получить разрешение на психологическое лечение в июне 2016 года и с тех пор находится на регулярном психологическом лечении.

6.2 В заключении психосоциальной службы от 1 февраля 2017 года указано, что первой заявительнице трудно вспомнить подробности того, что с ней произошло, поскольку она долгое время держала это «в себе». Обычно она плачет в течение всего сеанса терапии; несмотря на назначенные ей медицинские препараты, у нее проявляются симптомы депрессии, которые трудно сдерживать, учитывая реальный страх, который она испытывает перед высылкой в Российскую Федерацию. У нее были диагностированы расстройства адаптации, в том числе продолжительная депрессивная реакция, а также расстройства, связанные с тем, что она стала жертвой преступлений и терроризма, а также с тем, что она подверглась воздействию бедствий или войны; ей были прописаны снотворные антидепрессанты и валиум. В отношении признаков пыток в докладе указано, что сильное внутреннее напряжение и тревожное состояние может проявляться как свидетельство травмирующего события. В заключении содержится вывод о том, что без дальнейшего лечения болезнь первой заявительницы приобретет хронический характер. Она страдает от стресса, непосредственно связанного с травмирующими событиями в ее стране происхождения, и сильного страха перед тем, что ей, возможно, придется вернуться.

6.3 Первая заявительница утверждает, что в самом начале процедуры предоставления убежища ею был поднят вопрос о состоянии ее здоровья и что власти не выполнили своей обязанности получить медицинские доказательства после того, как были выдвинуты заслуживающие доверия утверждения о применении пыток²⁴. Это медицинское заключение непосредственно касается оценки достоверности утверждений первой заявительницы о том, что ее изнасиловал военнослужащий.

6.4 Некоторые родственники мужа²⁵, которых в настоящее время признали беженцами во Франции, написали письма, подтверждающие брак между первой заявительницей и ее мужем. Первая заявительница утверждает, что не может быть никаких сомнений в подлинности ее брака. Она также представляет дополнительные сообщения, отправленные ею своему мужу в тюрьму через розыскную службу Красного Креста и свидетельствующие об интимных отношениях и знакомстве между ними, а также доказывающие, что муж первой заявительницы все еще находится в тюрьме, в обоснование ее утверждения о том, что он являлся чеченским повстанцем-боевиком.

6.5 Наконец, заявители представляют справочную информацию о стране и утверждают, что существует реальная угроза того, что в случае возвращения в Российскую Федерацию они подвергнутся пыткам в виде физического жестокого обращения и, в отношении первой заявительницы, изнасилования. Они ссылаются на доклад Иммиграционной службы Дании, согласно которому в последние годы наблюдается рост насилия в отношении женщин в Чечне со стороны государственных структур²⁶. Они также подчеркивают уязвимость положения одиноких женщин,

²⁴ Адвокат заявителей ссылается на замечание общего порядка № 4 (2017) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, в котором Комитет указывает, что государственные органы должны направлять лиц, утверждающих, что они ранее подверглись пыткам, на бесплатное независимое медицинское освидетельствование.

²⁵ Мать, сестра и брат мужа, а также лицо, выступившее свидетелем религиозного брака между первой заявительницей и А. Д.

²⁶ Danish Immigration Service, *Security and Human Rights in Chechnya and the Situation of Chechens in the Russian Federation – Residence Registration, Racism and False Accusations* (2015), p. 43.

которые проживают без защитника-мужчины (мужа или брата)²⁷, как и первая заявительница, и утверждают, что предположительно изнасилования широко распространены в Чечне, даже если о них не сообщается. Близкие родственники чеченских повстанцев, такие как заявители, подвергаются реальной угрозе ареста, жестокого обращения, пыток и изнасилований²⁸. В настоящем деле изнасилование неоднократно совершало государственное должностное лицо, а именно служащий в армии офицер.

Дополнительные замечания государства-участника

7.1 Государство-участник 11 сентября 2017 года представило дополнительные замечания и пояснения. Оно прежде всего заявляет о том, что доказательства, прилагаемые к дополнительным комментариям заявителей, по большей части являются следствием процедур, проводимых национальными органами власти. В результате власти не имели возможности изучить их актуальность.

7.2 В медицинском заключении от 1 февраля 2017 года содержатся диагнозы расстройств адаптации, расстройств, связанных с тем, что заявительница стала жертвой преступлений и террористических актов, а также с тем, что она подверглась воздействию бедствий, войны и других боевых действий. Это не совсем новые элементы. Как следует из предыдущих замечаний государства-участника, по крайней мере два из этих диагнозов фигурировали в медицинском заключении от 27 июля 2015 года. Государство-участник вновь заявляет, что поставленные диагнозы сами по себе не доказывают жестокого обращения, о котором утверждает первая заявительница (изнасилование) и которое национальные органы сочли маловероятным. Государство-участник далее настаивает на том, что этот анализ не может быть поставлен под сомнение на основании заключения от 1 февраля 2017 года, в котором содержится анамнез, установленный исключительно на основе утверждений первой заявительницы. Что касается вопроса о том, были ли выявлены у первой заявительницы признаки пыток либо жестокого обращения, то врачи лишь отметили, что наблюдаемые симптомы могут быть вызваны травмирующим событием, не указав при этом каким именно.

7.3 Кроме того, первая заявительница представила рукописные справки от нескольких членов семьи своего предполагаемого мужа, А. Д., который в настоящее время содержится под стражей в Российской Федерации. По ее словам эти документы устанавливают, с одной стороны, наличие супружеской связи между ней и А. Д., а с другой стороны, тот факт, что ей будет угрожать опасность, если она вернется в Чечню. В связи с этим следует напомнить, что одни лишь письма от третьих лиц не могут служить основанием для установления брачного союза в соответствии с законом. То же относится и к справке Международного комитета Красного Креста, из которой следует, что первая заявительница и А. Д. состояли в переписке в период между 2014 и 2015 годами. Кроме того, государство-участник отмечает, что независимо от наличия или отсутствия брачных связей, тот факт, что А. Д. находится в настоящее время в тюрьме, не устанавливает его прежней боевой деятельности.

7.4 Что касается положения одиноких женщин в Чечне, то государство-участник напоминает, что первая заявительница должна быть выслана из Швейцарии вместе со своим сыном, который в настоящее время является совершеннолетним. Поэтому после их возвращения она воспользуется его поддержкой.

²⁷ European Asylum Support Office, "EASO country of origin information report: Chechnya – women, marriage, divorce and child custody" (September 2014), p. 17.

²⁸ Danish Immigration Service, *Security and Human Rights in Chechnya*, p. 54. (В докладе говорится о близких родственниках предполагаемых активных повстанцев и их сторонников.)

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде, чем приступить к рассмотрению жалобы, представленной в сообщении, Комитет должен установить, является ли оно приемлемым по статье 22 Конвенции.

8.2 В соответствии с пунктом 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо иной процедуре международного расследования или урегулирования.

8.3 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никаких сообщений от какого-либо лица, если не убедится в том, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Комитет отмечает, что в данном случае государство-участник признает, что заявители исчерпали все доступные внутренние средства правовой защиты.

8.4 Комитет напоминает, что для того, чтобы жалоба была признана приемлемой по пункту 2 статьи 22 Конвенции и правилу 113 b) его правил процедуры, она должна соответствовать базовому уровню обоснования, требуемому для целей приемлемости²⁹. Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что второй заявитель не делает никаких утверждений о жестоком обращении в прошлом и о личной опасности подвергнуться преследованию в случае депортации. Он поднял вопрос об опасности того, что его считают сыном своего отчима, который находится в тюрьме с 2008 года. Кроме того, он выразил опасение, что его заставят служить в российской армии, жалобу, которую он, похоже, не выдвигает в Комитете. Комитет отмечает, что второй заявитель не имеет какой-либо политической ориентации и с детства не имеет связи со своим отчимом, не подвергался в прошлом какому-либо жестокому обращению, не занимался какой-либо политической или иной деятельностью как сторонник чеченских повстанцев, что, как представляется, повысило бы его уязвимость перед угрозой подвергнуться пыткам, и никоим образом не привлекал к себе внимания властей. Поэтому Комитет отмечает, что утверждений второго заявителя недостаточно для установления непосредственной угрозы применения пыток в случае его возвращения в Российскую Федерацию. Учитывая это, Комитет считает, что второй заявитель не сумел в достаточной степени обосновать для целей приемлемости свое заявление о том, что ему будет грозить предсказуемая, личная, непосредственная и реальная опасность подвергнуться пыткам. Комитет считает, что в настоящем деле жалоба второго заявителя по статье 3 является неприемлемой согласно пункту 2 статьи 22 Конвенции.

8.5 Комитет при этом считает, что изложенные доводы, выдвинутые первой заявительницей, поднимают существенные и процедурные вопросы в связи со статьей 3 Конвенции и что эти доводы следует рассмотреть по существу. Соответственно, поскольку Комитет не усматривает каких-либо иных препятствий для приемлемости сообщения, он объявляет его приемлемым в отношении первой заявительницы по статье 3 Конвенции.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

9.2 В данном деле Комитету предстоит решить, явится ли высылка первой заявительницы в Российскую Федерацию нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать какое-либо лицо другому государству, если имеются существенные основания полагать, что там ему либо ей может угрожать применение пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

²⁹ См., в частности, дело *3. против Дании* (CAT/C/55/D/555/2013), п. 6.3.

9.3 Комитет должен определить, имеются ли существенные основания полагать, что лично заявителю по возвращении в Российскую Федерацию будет угрожать опасность подвергнуться пыткам. Для оценки этой угрозы Комитету в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции необходимо принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование в этой стране постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека³⁰.

9.4 Комитет ссылается на положения своего замечания общего порядка № 4, согласно которым обязательство недопустимости принудительного возвращения возникает всякий раз, когда имеются «существенные основания» полагать, что тому или иному лицу может угрожать опасность подвергнуться пыткам в государстве, куда его должны выслать, будь то в личном качестве или в составе группы, которая может подвергнуться пыткам в принимающем государстве, и практика Комитета состоит в определении наличия «существенных оснований» всякий раз, когда эта угроза является «предсказуемой, личной, непосредственной и реальной»³¹. Комитет напоминает далее, что бремя доказывания возлагается на автора сообщения, который обязан убедительно обосновать дело, т. е. представить подкрепленные аргументы, доказывающие, что опасность подвергнуться пыткам является предсказуемой, непосредственной, личной и реальной. Однако если заявители оказываются в ситуации, когда они не могут представить подробностей своего дела, бремя доказывания переходит на соответствующее государство-участник, которое в свою очередь должно провести расследование по утверждениям автора и проверить информацию, на которой основано его сообщение³². Комитет придает значительный вес основанным на фактах выводам, сделанным органами соответствующего государства-участника; он, тем не менее, не связан такими выводами и свободен в оценке информации, представленной ему в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции, принимая во внимание все обстоятельства каждого дела³³.

9.5 В настоящем деле Комитет принимает к сведению утверждение заявительницы о том, что, будучи жертвой неоднократных изнасилований, она в результате нанесенной травмы, клейма позора и стыда столкнулась с особыми трудностями при изложении подробностей сексуальных надругательств, от которых она пострадала, и что незначительные неточности в ее изложении не являются существенными и не вызывают сомнений в правдивости ее утверждений в целом³⁴. Комитет далее принимает к сведению ее возражение на довод государства-участника о том, что она не заслуживает доверия, поскольку физически не сопротивлялась изнасилованиям, не сообщала властям о сексуальном насилии и не консультировалась с врачом. Комитет принимает к сведению утверждение первой заявительницы о том, что она хотела бы пройти психологическое освидетельствование в рамках процедуры предоставления убежища, что представитель службы юридических консультаций после второго собеседования с ней в марте 2013 года рекомендовал Государственному секретариату по делам миграции получить заключение эксперта-психолога и что власти не предприняли никаких шагов в этом направлении. Он также принимает к сведению, что во время одного из собеседований по существу дела представитель центра юридической консультации был мужчиной, что затруднило для нее изложение подробностей различных случаев изнасилования. Он далее принимает к сведению утверждение первой заявительницы о том, что отсутствие медицинских доказательств не может рассматриваться как фактор, снижающий доверие к ней, поскольку она не смогла представить полную медицинскую справку, подтверждающую ее травму в результате изнасилования, из-за того, что власти отказали ей в доступе к такому медицинскому освидетельствованию и лечению. Он также отмечает ее утверждение о том, что не может быть никаких сомнений в достоверности ее брака, факт которого, как она утверждает, был установлен Международным комитетом Красного Креста и родственниками ее мужа.

³⁰ Замечание общего порядка № 4, п. 43.

³¹ Там же, п. 11.

³² Там же, п. 38.

³³ Там же, п. 50.

³⁴ См. дело *Alan v. Switzerland*.

9.6 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4, в котором указывает, что в рамках процедуры оценки государству-участнику следует предоставлять соответствующему лицу основные гарантии и меры защиты, особенно если это лицо находится в особо уязвимом положении. В частности, всегда следует обеспечивать проведение квалифицированным медработником освидетельствования, в том числе запрашиваемого заявителем для подтверждения пыток, которым он либо она подвергались, независимо от оценки достоверности этого утверждения со стороны органов власти³⁵, с тем чтобы органы власти, принимающие решение по соответствующему делу, связанному с депортацией, могли завершить не вызывающую каких-либо разумных сомнений оценку угрозы применения пыток, основываясь на результатах этого медицинского и психологического освидетельствования.

9.7 Комитет принимает к сведению утверждение первой заявительницы о том, что она не в состоянии представить полную медицинскую справку, подтверждающую ее травму в результате изнасилования. Он отмечает бесспорность того, что первая заявительница была обследована и в июле 2015 года получила заключение психосоциальной службы, что она смогла пройти психологическое лечение в июне 2016 года, что с тех пор она находится на регулярном психологическом лечении и что 1 февраля 2017 года психосоциальная служба составила еще одно заключение. Он далее принимает к сведению довод государства-участника о том, что в медицинском заключении от 1 февраля 2017 года содержатся диагнозы расстройств адаптации, расстройств, связанных с тем, что заявительница стала жертвой преступлений и террористических актов, а также с тем, что она подверглась воздействию бедствий, войны и других боевых действий, не представляющие собой совершенно новые элементы, поскольку по крайней мере два из этих диагнозов были включены в предыдущее медицинское заключение о состоянии здоровья заявителя от 27 июля 2015 года, составленное тем же самым психологом. В связи с этим Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что поставленные диагнозы сами по себе не свидетельствуют о жестоком обращении, в частности об изнасилованиях, о которых утверждала первая заявительница и которые были сочтены национальными властями маловероятными, что в докладе от 1 февраля 2017 года содержится анамнез, установленный исключительно на основе утверждений первой заявительницы, и что в связи с вопросом о том, были ли выявлены у нее признаки пыток либо жестокого обращения, врачи лишь отметили, что наблюдаемые симптомы могут быть вызваны травмирующим событием, но не указали, каким именно.

9.8 Комитет отмечает, что заявителям было предложено внести аванс в размере 800 швейцарских франков. Он ссылается на свою правовую практику³⁶ и замечание общего порядка № 4, в соответствии с которым средства правовой защиты должны быть доступными на практике без каких-либо препятствий³⁷. Он также отмечает, что утверждения заявителей были оценены Федеральным административным судом как необоснованные, поскольку первая заявительница в ходе различных слушаний представила различные версии инцидентов. Комитет далее отмечает, что государство-участник оспаривает достоверность утверждений первой заявительницы по всем изложенным пунктам. Что касается материальных доказательств, представленных заявителями вместе с ходатайством о пересмотре их просьбы о предоставлении убежища, то Комитет принимает к сведению мнение государства-участника о том, что в полицейских повестках о вызове к судебному чиновнику, представленных в доказательство утверждения заявителя о преследовании, были обнаружены признаки подделки и что их не приняли в качестве подлинных документов. Комитет отмечает, что, столкнувшись с нарушениями, касающимися предполагаемых повесток о вызове к судебному чиновнику, первая заявительница не смогла убедить национальные органы власти в их достоверности.

9.9 В конкретных обстоятельствах настоящего дела и с учетом составленных медицинских заключений Комитет считает, что государство-участник выполнило

³⁵ См., например, дело *М. Б. и другие против Дании* (CAT/C/59/D/634/2014), п. 9.8.

³⁶ *Абдулкарим против Швейцарии* (CAT/C/62/D/710/2015), п. 6.2.

³⁷ Замечание общего порядка № 4, п. 35.

вышеупомянутое требование об обеспечении медицинского освидетельствования, предоставив заявительнице возможность пройти медицинское и психологическое обследование и последующее лечение. Он далее считает, что государство-участник в достаточной степени оценило личный опыт заявительницы и предсказуемый риск или последствия ее возвращения в Российскую Федерацию.

9.10 На основе всей информации, представленной заявительницей и государством-участником, в том числе об общем положении в области прав человека в Российской Федерации, Комитет считает, что в данном деле первая заявительница не выполнила возложенного на нее обязательства в отношении бремени доказывания³⁸, поскольку не продемонстрировала надлежащим образом наличие существенных оснований полагать, что ее высылка в Российскую Федерацию подвергнет ее предсказуемой, реальной и личной угрозе подвергнуться пыткам по смыслу статьи 3 Конвенции. Хотя первая заявительница и не согласна с оценкой ее утверждений властями государства-участника, но ей не удалось продемонстрировать, что решение об отклонении ее ходатайства о предоставлении убежища было явно произвольным либо равносильным отказу в правосудии.

10. В связи с этим Комитет против пыток, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, приходит к выводу о том, что высылка заявительницы в Российскую Федерацию не будет представлять собой нарушения статьи 3 Конвенции.

³⁸ *Сивагнанаратнам против Дании* (CAT/C/51/D/429/2010), пп. 10.5–10.6.